

Гипотезы Погодина — Соболевского о «великорусском» населении древнего Киева и Киевщины языковыми фактами не подтверждаются.

12. Еще даже в XIII в. расхождение между языками восточного славянства не было настолько окончательным, чтобы некоторые особенности (и, подавно, отдельные слова), возникавшие в одних говорах восточного славянства, не проникали в другие. Отделение восточнославянских языков друг от друга было длительным и сложным процессом изменения их живой основы, процессом, время от времени перебивавшимся, в силу разных исторических причин, тенденциями к новому сближению. Из исторических фактов первостепенного в этом отношении значения надо указать прежде всего на воссоединение Украины с Россией в 1654 г., которое соответствовало давним стремлениям украинского народа, на последствия второго и третьего разделов Польши XVIII в. (возвращение Правобережной Украины в 1793 г. и Западной Волыни в 1795 г.), на создание после Великой Октябрьской социалистической революции Советского государства и на воссоединение украинских земель в Советском Союзе в 1939 г. Хотя сближение между собой трех восточнославянских языков никогда не приобретало такого характера, чтобы мог осуществиться решительный поворот к былому исходному единству этих языков, однако потомки восточнославянских племен и позже народностей никогда не забывали того, что они в прошлом братские племена и народности.

Восточнославянские народы, среди них и украинский, создали для передачи своих мыслей и чувств свои письменные языки, которые постепенно (раньше других — русский, наиболее поздно — белорусский) стали национальными языками, достигающими наибольшего расцвета в эпоху социализма.

Структура восточнославянских языков и их состав заключают в себе, конечно, много различного, но те исторические процессы, участниками и свидетелями которых мы являемся, ставят нас перед знаменательным явлением нового сближения этих языков. Различные по форме, эти языки в СССР — стране братского единения народов и языков — действуют как могучее средство создания общей идеологии и единой высокой социалистической культуры.

СЕРЬЕЗНЫЕ ОШИБКИ В ДИССЕРТАЦИЯХ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Лингвистическая дискуссия и исторические выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания ознаменовали новый этап в развитии советской науки о языке. Длительное господство последователей Марра в органах языкознания нанесло огромный вред делу подготовки языковедческих кадров. Молодые языковеды, прошедшие курс аспирантуры, усваивали немарксистские положения «нового учения» о языке; очень часто им прививали порочные методы лингвистического исследования, презрение к языковым фактам, к глубокому изучению конкретного языка; господство режима, не свойственного науке и людям науки, вынуждало иногда молодых специалистов «подгонять» к теории Марра выводы и обобщения, добытые ими при исследовании языкового материала; в среде языковедов насаждались чуждые духу советской науки беспринципность, боязнь критики, привычка к скороспелым вульгарно-социологическим обобщениям¹.

В ходе перестройки теоретических и организационных основ советского языкознания сделано очень много и по улучшению подготовки лингвистических кадров. Пересмотр тематики диссертаций сопровождался серьезной работой аспирантов по овладению сталинской теорией общего языкознания. Основное внимание аспирантов было обращено на изучение актуальных вопросов теории и истории языков народов Советского Союза и зарубежных стран. Среди учащейся молодежи повысился интерес к вопросам языкознания, что позволило улучшить комплектование аспирантского состава.

В последние годы увеличилось число докторских лингвистических диссертаций, написанных на актуальные темы. Среди них следует отметить следующие: С. И. Котков, «Говоры Орловской области (фонетика и морфология)», В. П. Сухотин, «Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова», И. К. Белодед, «Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода, 1945—1950 гг.)», Г. Б. Муркелинский, «Очерк грамматики лакского языка», А. А. Белецкий, «Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)» и др. Наука о русском литературном языке обогатилась диссертациями В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот», А. И. Ефимова «Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 40—60-х годов»,

¹ Уместно отметить, что кандидатская диссертация автора настоящей заметки «Категория личности и неличности в словацком языке» (Моск. ун-т, 1949) также грешит некритическим отношением к отдельным положениям «нового учения» о языке.

К. А. Тимофеева «Инфинитивные предложения в русском языке» и рядом других высококачественных научных исследований, выполненных на основе сталинского учения о языке.

Многие кандидатские диссертации также написаны на высоком научном уровне. Можно указать, например, на обстоятельные исследования В. В. Палагинной «Современный говор старожильского населения западной части Томского района Томской области» (Томский университет), В. А. Белашапковой «К изучению структурных типов сложного предложения в современном русском языке» (Московский университет), ряд диссертаций, подготовленных аспирантами Института языкознания АН СССР, воспитанниками Московского университета и др.

Однако наряду с несомненным повышением качества диссертационных работ до сих пор в Высшую аттестационную комиссию Министерства высшего образования представляются диссертации, написанные на низком теоретическом уровне, содержащие ошибки марровского толка и не вносящие ничего нового в науку о языке. Отдельные работы построены на ненаучных положениях «теории» Н. Я. Марра и его «учеников». Так, например, кандидатская диссертация В. Е. Ломтевой «Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке» (защита 12 января 1951 г. в Совете Саратовского университета) является ярким примером недооценки грамматики и злоупотребления семантикой.

В. Е. Ломтева, являющаяся опытным преподавателем, проделала большую работу по подбору огромного количества примеров, на основе которых она дала анализ употребления различных форм причастий и прилагательных в языке советской художественной литературы. Однако этот труд в основном оказался затраченным напрасно: выводы автора остаются недоказанными, а методика анализа материала и его обработки вызывает принципиальные возражения. У В. Е. Ломтевой наблюдается неграмматический подход к грамматической теме. Грамматические категории причастий и прилагательных она изучает только с точки зрения их «значения», которое понятие расплывчато и неопределенно; вместо анализа грамматических признаков этих категорий она относит к прилагательным все причастия, имеющие качественное значение. В. Е. Ломтева поставила своей задачей доказать, что причастия «массово» переходят в прилагательные, что этот процесс совершается «бурно» и «соответствует нашей советской эпохе с ее динамикой жизненных фактов, ее стремительными темпами, с ее непрерывным движением вперед» (стр. 355).

Автор цитирует работы И. В. Сталина по вопросам языкознания. Однако это цитирование еще не означает их творческого использования; автор не усвоил и не положил в основу своего исследования положения сталинского учения о языке — о постепенном развитии языка и об устойчивости его грамматического строя и основного словарного фонда. В. Е. Ломтева склонна видеть адъективизацию в любом причастии, в котором содержится значение «постоянного свойства», «качественной характеристики», «постоянного признака» и т. п. Поскольку поиски этих значений в причастиях были основной задачей автора, постольку в диссертации любые причастия без особого труда относятся к перешедшим в прилагательные. Вопрос о грамматических основаниях адъективизации причастий, о характере глагольных основ, о видовых и залоговых значениях глагола, о синтаксических функциях изучаемых форм не интересует В. Е. Ломтеву. Для нее единственным критерием перехода причастий в прилагательные становится лишь их значение. Это свидетельствует о полном невладении автором методами грамматического изучения.

В. Е. Ломтевой не было своевременно оказано должной помощи кафедрой и научным руководителем. Труды русских лингвистов XIX в. — Востокова, Греча, Павского, Аксакова, Потебни и др. — остались ей неизвестными, хотя в них содержится много ценного и важного по исследуемому вопросу. Критика работ акад. В. В. Виноградова, проф. В. И. Чернышева и др. ученых носит у В. Е. Ломтевой поверхностный и необоснованный характер, свидетельствуя лишь о ее недостаточной осведомленности в самых основах изучаемого явления. В итоге такие причастия, как *увядшие цветы*, *затекшие ноги*, *распухший глаз*, *высохшие листья*, *отцветшая дева*, *притихший голос*, *невysпавшийся человек* и т. п., относятся к прилагательным.

Рассуждения В. Е. Ломтевой о «психологических» причастиях, о «причастиях внешнего облика человека» и т. п. носят в ряде случаев ненаучный характер. Автор считает причастие и деепричастие самостоятельными частями речи и упрекает всех русских грамматистов в том, что они этих «частей речи» до сих пор не заметили. Соотношение словаря и грамматики в этой диссертации искажено. Высшая аттестационная комиссия после ознакомления с работой вынуждена была отменить решение Совета Саратовского университета о присуждении В. Е. Ломтевой ученой степени кандидата филологических наук.

Некоторые диссертации отражают вредное влияние антимарксистской схемы стадияльного развития языков и идеалистического учения И. И. Мещанинова о «понятийных» категориях, изложенного в его книге «Члены предложения и части речи». Так, диссертация П. М. Криворучко «Категория времени глагольного признака» (защита 2 октября 1950 г. в Совете Львовского университета) опирается на указан-

ные ошибочные методологические положения, главным образом на учение акад. Мещанинова о «понятийных» категориях. В ней ярко сказывается логицизм, стремление подменить факты языка логическими категориями. Основная часть диссертации занята рассуждениями о предикативном признаке без попытки опереться на языковой материал. Такого рода работы были характерны для сторонников марковского учения, игнорировавших языковой материал, и в конечном счете, исходя из категорий сознания, всегда отрывавших мышление от языка. Естественно, что вывод диссертанта: «Грамматическая категория времени русского глагола переживает стадию превращения в чисто формальную категорию» (стр. 96) — никак не может быть обоснован. Важная философско-грамматическая тема — учение о предикативности — осталась не раскрытой, а одни общие рассуждения без элементов исследования конкретного материала (что является самым ценным в кандидатских работах) еще не дают основания на соискание степени кандидата наук. К сожалению, Совет Львовского университета не проявил должной требовательности, присуждая автору эту степень. ВАК же отклонил диссертацию, как не представляющую познавательной ценности и противоречащую сталинскому учению о языке, вследствие чего решение Совета Львовского университета было отменено.

На таких же порочных методологических основаниях построена кандидатская диссертация О. А. Синицкой «Очерк по истории морфологии и синтаксиса английских прилагательных» (защита 1 июля 1950 г. в Совете Киевского университета). Прежде всего это не исследование одной из лингвистических проблем, а последовательный конспект нескольких грамматик готского, старославянского, древнеанглийского и среднеанглийского языков. Большая по объему работа (259 стр.) заполнена парадигмами склонения прилагательных и местоимений в различных языках, которые обычно приводятся в элементарных пособиях. Работа О. А. Синицкой характеризуется тем пренебрежением к истории языков, которое было свойственно представителям «нового учения» о языке: реальная история языка игнорируется, хронологически несводимые факты смешиваются, диссертант не исследует язык в его действительной истории, а пользуется им как иллюстративным материалом для оправдания и доказательства антинаучных домыслов Н. Я. Марра. Автор постоянно стремится отыскать во всех фактах английского языка «следы и пережитки древнейших стадий». В явлении субстантивации прилагательных автор видит «древнюю двойственность имени» (стр. 18). О. А. Синицкая смело постулирует следующий путь развития английского языка: «С дальнейшим развитием человеческого мышления на базе развития общественных форм совершается как в английском, так и в других языках переход от аморфного строя к флективному» (стр. 14). Доказательства этого, естественно, Синицкая не приводит; это абсурдное утверждение, как и многие другие, остается голословным.

Автор подменяет серьезную научную критику работ буржуазных языковедов, которая вполне уместна в этой диссертации, голословными обвинениями и, очевидно, не подозревает о существовании некоторых специальных исследований об английских прилагательных. Следует отметить, что оформление диссертации крайне неряшливо, ссылки даются без названий работ и авторов и т. п. Вызывает серьезную тревогу работа Совета Киевского университета, который после языковедческой дискуссии счел возможным представить в ВАК подобную диссертацию.

Совет Киевского университета 30 декабря 1950 г. присвоил Ю. П. Костюченко ученую степень кандидата филологических наук за диссертацию «К вопросу анализа синтаксических связей современного английского языка». Официальные оппоненты дали положительные отзывы о диссертации, указывая, что она представляет интерес с теоретической и практической точки зрения, так как восполняет теоретическую недоработку соответствующих разделов существующих грамматик английского языка и может явиться полезным пособием в практике преподавания этого языка. В действительности же указанная работа представляет собой попытку применить к английскому языку стадильную схему выражения синтаксических отношений, которой оперирует акад. Мещанинов в своей книге «Члены предложения и части речи». Приведенный в диссертации материал не содержит каких-либо новых, неизвестных прежде фактов. По сути дела работа свелась к разнесению по заранее указанным рубрикам уже известных фактов английского языка. Вся диссертация построена на смешении лексики и грамматики. Хотя автор говорит о своем намерении критически использовать труды Мещанинова, однако на деле никакой реальной критики этих немарксистских исследований нет, и автор следует построениям последнего. Цитаты из трудов И. В. Сталина по языкознанию оказываются механически присоединенными к работе.

В своем решении по этой диссертации ВАК обратил внимание Совета Киевского университета на безответственное отношение к делу присуждения ученых степеней и отметил, что официальные оппоненты некритически отнеслись к диссертации и своими положительными отзывами способствовали принятию советом неправильного решения.

Серьезные методологические и фактические недостатки содержит диссертация А. Т. Базиева «Система спряжения в кумыкском и ногойском языках» (защи-

ащена 15 декабря 1949 г. в Совете б. Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР). Неясна, во-первых, целевая установка работы потому что доказывать близость форм спряжения в названных языках не нужно, это уже сделано. Следовало бы внимательно остановиться на специфике отдельных форм в этих языках, но в таком случае исследование по существу должно было строиться на обширном сравнительно-историческом материале, так как ставило бы себе целью дать картину спряжения в двух родственных языках. Однако моментов исторического исследования в работе нет. «Историзм» понимается в духе марровской «палеонтологии». Языковые факты автор подменяет фантастическими этимологиями: глагол *тона* «ограбь», по мнению диссертанта, происходит от слова *тон* «шуба», поскольку при ограблении снимают обычно шубу (!). Он утверждает, что «инфинитив... может иметь значение и глагола, и имени», примером чего якобы служит слово *бармак* — «ходить» и «палец» (стр. 167). Между тем эти два слова являются обычными омонимами. Для обоснования этой парадоксальной этимологии диссертант выдвигает «теоретическую» базу: глаголы будто бы являются «производными от имен... и были связаны с действием частей тела человека» (стр. 254). Таким образом, эти этимологические «разыскания» вполне отвечают духу «микроскопической» стадии Н. Я. Марра.

Некоторые места диссертации свидетельствуют о том, что автор не вполне ясно представляет себе элементарные вещи. Он утверждает, например, что дееспричастие *деп* будто бы соответствует «двоеточию и кавычкам в русском языке» (стр. 85), говорит о том, что различия в личных окончаниях настоящего-будущего времени глагола в кумыкском и ногойском языках выражаются в каких-то пустяках: «здесь просто разные звуковые варианты *б-м, а-м, н-нь*» (стр. 135). Претенциозные, но совершенно необоснованные декларации автора порою анекдотичны; например, он утверждает, что «языковые факты, взятые из исследуемых нами языков, дают нам право сказать, что кумыки и ногойцы в давние времена не имели понятия о времени вообще и не различали пространство от времени» (?) (стр. 251).

ВАК отменил решение Совета б. Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления о присуждении Базиеву ученой степени кандидата филологических наук, так как его диссертация не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Ошибки марровского толка обнаружены в кандидатских диссертациях А. Тулеуова «Словообразовательные аффиксы имен в современном казахском языке» (Казахский университет, 1950 г.), А. Е. Ермакова «Семантика слитных слов в казахском языке» (Институт языка и литературы АН Казах. ССР, 1950 г.), Т. Ергалиева «Причастия в казахском языке» (тот же институт, 1950 г.), Т. Р. Кордобаева «Категория времени в современном казахском языке» (тот же институт, 1949 г.), Л. П. Головиной «Русские активные причастия и их семантические эквиваленты в узбекском языке» (Узбекский университет, 1950 г.) и ряде других.

Существенные недостатки содержат диссертации, посвященные стилистическому анализу произведений отдельных писателей. Так, возражения вызывает диссертация С. М. Криворучко «Лингво-стилистические особенности произведений Архипа Тесленко» (Львовский университет, 1951 г.). Диссертант преувеличивает роль А. Тесленко в развитии украинской литературы и ее языка, ставя последнего в один ряд с М. Коцюбинским, Лесей Украинкой, И. Франко. Характеристика основного жанра Тесленко — «ропсвиди» (сказка) — не содержит языковой характеристики. Анализ различных слоев лексики весьма неодинаков; разработка общественно-политической лексики стоит ниже уровня уже имеющихся работ. В целом в работе нет углубления в лингвистическую специфику исследования. Основным недостатком диссертации следует считать недопустимое смешение языка произведения с его содержанием. Поэтому в ряде случаев анализ языка подменяется толкованием и разбором содержания произведения. Часто это приводит к прямой вульгаризации понятия лингво-стилистического анализа. Автор рассуждает следующим образом: «В диалогическом разговоре Миколки, матери и отца, который (разговор) является основной канвой рассказа, раскрывается прежде всего исключительная нищета жизни крестьянской семьи. Тяжелое материальное положение является главной причиной не только горькой судьбы Миколки, а и поведения отца, речь которого... отличается грубостью, ругательствами, эпитетами, нервничаньем и другим. Однако в дальнейшем движении диалогов виден большой перелом в речи Прокопа, обусловленный частичным устройством безнадёжного состояния — Миколке учитель подарил сапоги» (стр. 299); или: «Немало таких существительных (*правда, братство, низкопоклонство, венец жизни* и т. п.) имеются в речи Оленки. Отдельные из них... характерны своей политической невыразительностью и этим показывают политическую незрелость отдельных героев и самого автора (?)». Однако они вместе с тем подчеркивают духовную красоту и благородство положительных героев» (стр. 138). Таких анекдотических рассуждений, вроде примера с сапогами, влияющими на построение диалога, в работе очень много.

Нельзя не отметить, что автор произвольно приводит цитаты из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», например, говоря о «экспрессивности внутренней

речи героев», автор приводит высказывание И. В. Сталина о языке жестов, относящееся к совершенно иной области, и т. п. Автор употребляет заумную терминологию: «своеобразная динамика в экспрессивной пульсации», «эллиптические пропуски». О стиле работы дает представление такая фраза: «Этот же волевой аффект, но с противоположной экспрессивной доминантой проявлен во внутренней речи Оленки, когда она, подбодренная либеральным пустословием... студента..., мечтает стать медичкой» (стр. 359). Значение этой фразы непонятно, очевидно, и самому автору.

Отсутствие четких представлений об основных стилистических категориях характерно для многих кандидатских диссертаций, представляемых в последнее время в ВАК. Диссертанты обычно не излагают своего понимания принципов анализа языка художественных произведений, ссылаясь на неразработанность многих теоретических вопросов стилистики в советском языкознании, а непосредственно приступают к стилистическому анализу. В ходе этого анализа часто происходит смешение содержания произведения и языковых средств, выражающих это содержание. Так, например, в одной из диссертаций появляются крайне наивные рассуждения о том, что различные персонажи романа А. Фадеева «Разгром» по-разному понимают значения одних и тех же слов. Автор утверждает, что для Левинсона выполнять свои *обязанности* — это его священный долг, а для Мечика *обязанность* — это нечто обременительное и нежелательное. Левинсон заботится о *спасении* всего отряда, а Мечик — о *спасении* своей собственной жизни. Следовательно, Левинсон и Мечик различно понимают значение указанных слов. Очевидно, что здесь дело не в различии значения, а в различном отношении к самим понятиям, выраженным этими словами. Поэтому более чем неуместно выглядит довод диссертанта, что эти примеры иллюстрируют положение И. В. Сталина о том, что классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по-разному понимают одни и те же слова и выражения.

Повышение качества работ по языку и стилю отдельных произведений, научное разрешение вопросов стилистики общенародного языка в диссертациях должно привлечь внимание лингвистической общественности.

В некоторых случаях ВАК вынужден отменить решение того или иного Совета вследствие того, что диссертации не являются написанными самостоятельно. Так, было обнаружено, что кандидатская диссертация Э. А. Г р а б а р ь «Очерки по языку чешской публицистики „Руде право“» (Киевский университет, 1950 г.) была выполнена несамостоятельно, с помощью другого лица. Этот пример свидетельствует о беспечном отношении руководителей некоторых научных учреждений к делу воспитания молодых специалистов.

К сожалению, встречаются случаи представления в ВАК и недоброкачественных докторских диссертаций. Так, докторская работа А. Г. Р у д н е в а «О генезисе обособленных членов предложения как исторической категории в современном русском языке» (Ленинградский пединститут им. Герцена, 1950 г.) содержала попытку подвести языковую базу под антимарксистскую теорию стадийности. Автор всячески доказывал непричастность его выводов к «теории» Марра и в то же время прислал в ВАК большой список поправок к своей диссертации, о характере которых можно судить по тому, что они, не касаясь существа работы, сводились к простой замене слова «марровский» словом «марксистский».

Весьма сомнительной в своих основных положениях является и докторская диссертация Т. А. Д е г т е р е в о й «К вопросу о славянской языковой общности и происхождении древней общеславянской письменности» (защита в Совете Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), 1951 г.). Методологическая и фактическая стороны работы являются путанными и не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Т. А. Дегтерева защищает в своей работе два главных положения: во-первых, что старославянский язык не южнославянский по своей основе (в фонетическом отношении), а восточнославянский, древнерусский, во-вторых, что славянские языки представляют собой позднейшую стадию развития скифской языковой группы, а другие индоевропейские языки развились на славянской базе.

Попыткой лингвистического обоснования тезиса о восточнославянской основе старославянского языка можно считать утверждение автора, что так называемые неполногласные сочетания являются исконной особенностью не только южнославянских языков и чешско-словацкой группы, но и восточнославянских языков и что самые «обиходные» русские слова никогда не употреблялись с полногласием. В качестве примеров указаны слова: *красный, глеб, хрен, глев, сленой, драка* и т. п. Конечно, ни одно из этих слов ничего не доказывает, потому что все они не имеют никакого отношения к полногласию или неполногласию. Например, фонетический облик слова *драка* является позднейшим образованием: первоначально корень этого слова выступал в виде *дър-*. Занимаясь подобным заведомо бесплодным делом, автор приходит к выводу, что полногласные сочетания развились из неполногласных «в более позднее время». «Мне кажется, — пишет Т. А. Дегтерева, — что явление полногласия можно скорее всего объяснить как результат половецко-татарского влияния в домонгольский период, ибо в этом явлении совершенно явно наблюдается строгая гармонизация гласных, т. е. *е — е, о — о*, например *град — город, брег — берег* и т. д.»

(стр. 212). Но как объяснить тогда явления польского языка, территориально удаленного от источника предполагаемого влияния? Ведь признание языкового родства славянских наций обязывает исследователя учитывать явления всех славянских языков, а не вырывать факты из системы отдельных языков.

Точно такими же приемами пользуется автор и для доказательства того тезиса, что слова *шц*, «чередующимся с *т*» (?), также являются исконно восточнославянскими, причем в одну кучу сваливаются слова самого различного происхождения: *мощь*, *лещ*, *щи*. Некоторые этимологии этой работы непосредственно связаны с марровскими. Например, на стр. 301 диссертации утверждается, что «славянское слово *конь* также было включено германцами в свой словарь, но со значением *собака*. И русское слово *конь* обнаруживает древние смысловые связи с понятием „собака“, которые мы находим, например, в слове *конира*». Уже приведенных фактов достаточно, чтобы убедиться в том, что автор обнаруживает незнание «азбуки» славянского языкознания. Еще меньше утруждает себя автор диссертации доказательствами, развивая второе свое положение — о происхождении всей индоевропейской семьи языков в результате растворения иноязычного материала в славянской или для более раннего периода — в скифо-сарматской языковой среде.

Стремление прикрыться дымовой завесой доистории отчетливо проглядывает в таких «обобщениях»: «Есть все основания предполагать, что до периода общения с картвельскими народами германские племена имели языки гунно-тюркского характера, но в результате своего общения с картвельскими племенами германцы приобрели новые языковые особенности» (стр. 317). Что касается славянских языков, то о них говорится весьма туманно: они якобы являются скифскими языками, но «более позднего» времени. Автор иногда пишет «славянские», в скобках — «скифские» языки. Доказательства отсутствуют.

Известно, что до Т. А. Дегтеревой подобные фантастические мысли высказывал акад. Марр, также никогда не утруждавший себя доказательствами и поражавший своим невежеством в вопросах славянского языкознания. В целом автор диссертации вновь пытается возродить марровский тезис о том, что скрещение языков якобы дает новые по качеству языки и что в результате его возможно появление языковых гибридов. ВАК отменил решение совета о присуждении Т. А. Дегтеревой искомой степени.

Указанные серьезные ошибки, обнаруженные в защищенных диссертациях, свидетельствуют о том, что в работе ученых советов некоторых научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений до сих пор не изжит поверхностный подход к защите диссертаций. Члены ученых советов нередко не знакомятся с содержанием диссертаций; при защите не создают условия для деловой критики, не развертываются дискуссии, позволяющие всесторонне выявить и оценить знания диссертанта, его научный кругозор и достигнутые им научные результаты. Заседания ученых советов часто превращаются в формальную процедуру, носят характер парадного „выпускного акта“. Ученые советы иногда механически штампуют представленные на их рассмотрение диссертации, полагаясь на благосклонное заключение официальных оппонентов. Это приводит к тому, что ученые советы присваивают ученые степени подчас за явно недоброкачественные, порочные работы².

Зачастую несколько аспирантов работают над одной и той же темой, используя аналогичный материал. Так, в Совете Военного института иностранных языков в декабре 1951 г. тов. К у к л и н а защитила диссертацию на тему: «Отражение в словарном составе немецкого языка демократических преобразований в Германской Демократической Республике за период с мая 1945 г. по октябрь 1949 г.». На эту же примерно тему и по тем же источникам написана диссертация тов. Т о п у р и д з е - С у м б а т о в о й «Неологизмы в современном немецком языке (по материалам прессы, публицистических работ и художественной литературы Германской Демократической Республики)», защищенная в июне 1952 г. в Совете I Московского пединститута иностранных языков. Подобный параллелизм в тематике приводит к излишней затрате научных сил.

Решения XIX съезда партии предусматривают усиление разработки теоретических проблем во всех областях знания, более полное использование научных сил для решения важнейших вопросов развития народного хозяйства, широкое практическое применение научных открытий. В ближайшее пятилетие расширяется подготовка научных и научно-педагогических кадров через аспирантуру высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов примерно в 2 раза по сравнению с предыдущей пятилеткой.

Для решения этих задач необходимо улучшить подготовку научных кадров и резко повысить требования к защищаемым диссертациям по языкознанию. Диссертации должны содержать обильный фактический материал по изучаемому языку, подвергнутый глубокому теоретическому обобщению с позиций сталинского учения о языке. Дальнейшее развитие нашей науки требует быстрой и более широкой публикации

² Повысить уровень подготовки научных кадров [передовая], «Большевик», М., 1952, № 10, стр. 7—8.

защищенных диссертаций. Представленная к защите диссертация, очевидно, без существенной доработки должна быть готова к напечатанию. Каждая диссертация должна стать вкладом молодого исследователя в науку о языке. Ученые советы не должны присуждать ученые степени за узкофактографические исследования и работы, содержащие голое схематизирование без изученного и обработанного языкового материала.

Весьма актуальным вопросом, который наконец должен быть разрешен, является разработка тематики научно-исследовательской работы в области языкознания. Разработка такой тематики окажет существенную помощь кафедрам вузов и нашей молодежи, работающей иногда над случайными и малоактуальными темами. С другой стороны, планирование тематики диссертационных работ, выдвижение конкретных тем для исследования, которые эффективно будут использованы в научно-исследовательской работе кафедр и институтов, явится мощным фактором в деле повышения научной ценности диссертационных работ. Крупные языковедческие проблемы, над которыми работают кафедры и институты, должны расчленяться и предоставляться для исполнения аспирантам и докторантам.

Перед советским языкознанием стоят большие и почетные задачи. В нашей стране созданы все условия для бурного развития науки, для воспитания молодых научных кадров. Тревожные сигналы, связанные с подготовкой диссертаций, свидетельствуют о том, что в этой области еще совершаются большие ошибки, что здесь нередки случаи безответственности в оценке диссертационных работ. Чем скорее и решительнее будут изжиты эти недостатки и ошибки, тем выше поднимется уровень подготовки языковедческих кадров.

Н. А. Кондрашов